

ПУБЛИЦИСТИКА

ПОРТРЕТ РЕБЕНКА
С НОТАМИ ШОПЕНА

Дмитрию Шостаковичу судьба дала счастье дружбы со многими замечательными современниками: музыкантами, художниками, режиссерами, военачальниками, учеными. Широту дружеских связей определяли не только музыкальные интересы, прежде всего тот свойственный Шостаковичу и очень рано проявившийся дар, который Исаак Бабель назвал «неуловимым, но вполне реальным свойством эманации»: возвышенным строем души, передававшимся людям. «Бабель рассказал мне однажды, — передает писатель Виктор Финк, — как в Петрограде еще в ту пору, когда этот город именовался так, — он встретил у своих друзей очень молодого человека, почти мальчика, и сразу, с первого взгляда, почувствовал в нем личность необыкновенную, чем-то отмеченную, наделенную особым, возвышенным даром. Фамилия юноши не говорила Бабелю ничего: Шостакович. Исаак Эммануилович сказал мне, что всегда вспоминает об этой встрече с волнением: она лишней раз убедила его, что есть на свете люди, наделенные каким-то непонятным, неуловимым, но вполне реальным свойством эманации».

В основе этого свойства с детства лежала исключительная душевная чуткость. Огромной музыкальной восприимчивости сопутствует жадный, ненасытный интерес к людям, способность влюблять-

Это произошло в 1918 году. Шостаковичу было тогда всего лишь 12 лет, но он уже написал пьесы, посвященные войне и революции: «Солдат», «Гимн свободы», «Траурный марш памяти жертв революции».

События форсировали становление его характера.

В февральские дни 1917 года на его глазах на Невском проспекте городской убил мальчика — потрясение вылилось в музыку «Траурного марша памяти жертв революции», а спустя десять лет — в эпизоде перед вступлением хора в симфонию «Посвящение Октябрю».

3 апреля 1917 года Шостакович слушал речь В. И. Ленина: в памяти запечатлелись воодушевление, сила и вера вожда, передававшиеся людям. В доме Шостаковичей до февраля 1917 года скрывался Юрий Сокольников — коммунист Максим Кострикин, муж тетки Дмитрия. Сосланный в Сибирь, Кострикин бежал оттуда с помощью Болеслава Шостаковича.

Революционная ситуация непосредственно воспринималась семьей и рано сформировала общественное сознание юного композитора, понимание людей.

К Кустодиеву Шостаковича привела дочь художника Ирина, обучавшаяся с ним в одной школе: «Митя Шостакович, маленький, вихрастый, подает пале список выученных им произведений и садится играть. Успех превзошел все ожидания, мальчик сразу покорила папу своей игрой; этот день стал началом глубокой, нежной дружбы нашей семьи с семьей Шостаковичей».

В Петрограде голодали. Ложка сахара была мечтой: Дмитрий получал четыре ложки в месяц — в пайке, назначенном Луначарским и Горьким. Работал неустойно: предстояло поступление в консерваторию. И все же молодость требовала удовольствий, веселья — из черных сухарей и клюквы жена Кустодиева готовила коврижки. Дети танцевали, показывали шарады, музицировали.

Как ни быстро уходит даже недавнее прошлое полувековой давности, в воспоминаниях сохраняются зарисовки: Шостакович, импровизирующий у Кустодиевых, озорно, необычно: «Митя, — кричит Ирина, — да не выдумывай ты ничего, играй фокстрот!» Митя — это Д. Д. Шостакович... Он подчиняется общему хору недовольных, но в музыку фокстрота и дело врываются неожиданные ритмы и интонации. Борис Михайлович подкатывает свое кресло ближе к роялю и вполголоса говорит: «Да не обращай ты на них внимания, Митя, играй свое».

Это «свое», оригинальное, ни на что не похожее, Кустодиев, обладавший зорким глазом художника, ощутил сразу, как и Бабель.

Он стремился почаще слушать игру мальчика. Художник Г. С. Верейский с удивлением замечал, сколько радости испытывал Кустодиев, «слушая... Д. Д. Шостаковича, тогда еще мальчика... как наслаждался его игрой, как... с большой благодарностью прощался с ним и просил почаще приходить к нему играть».

Проникновение в характер запечатлевалось в рисунках, портретах: художник любил рисовать Шостаковича. Не все сохранилось. Лучший — портрет 1919 года: чистый, наивный ребенок с нотами Шопена, сжатыми в пальцах чутких и сильных. Это первое живописное изображение композитора — начало галереи портретов, выполненных в разные периоды многими художниками, своего рода живописный документ, помогающий понять Шостаковича, доверчивого, восторженного, кроткого, внимательно всматривающегося в мир, чтобы передать его музыкой.

Кустодиев подарил портрет семье Шостаковича, написал слова: «Моему маленькому другу Мите Шостаковичу — от автора».

Среди бумаг покойной сестры композитора — Марии Дмитриевны Шостакович сохранился еще один карандашный рисунок — Дмитрий, играющий на выставке Кустодиева в 1920 году: динамичная поза со спины — так обычно, сидя в кресле-качалке позади пианиста, слушал его Кустодиев — иначе не мог: был тогда уже тяжело болен. Так и рисовал, сидя, в том же кресле.

Работу Кустодиева Дмитрий близко наблюдал в 1922 году,

в Крыму, в Гаспре, куда приехал с помощью Кустодиевых для лечения. Лето было творчески насыщенным, хотя страдали сильно — и Кустодиев от обострения болезни спинного мозга, и Шостакович — после операции, исход которой оставался неясным.

Рядом с Кустодиевым постигал Шостакович первые уроки мужества, превосходство творчества над страданием.

Художник писал в Крыму пейзажи, портреты людей, Дмитрию знакомых, — пианиста К. Н. Игумнова, профессора П. Н. Сакулина — это помогло уловить, понять суть кустодиевского искусства. Ленку лица с зоркостью на типичную деталь, примету характера. Уверенность штриха. Русское начало в размахе, плотности линий, сочности красок. Кустодиевская классика, вошедшая в революционную современность, соприкасалась для Шостаковича с влиянием Глазунова, с обучением в консерватории у ученика Н. А. Римского-Корсакова М. О. Штейнберга: кустодиевское дополняло консерваторское.

Как же все это отразилось в музыкальном творчестве?

Прямые аналогии рискованны и наивны. Косвенные возникают в творческой жизни композитора вплоть до начала тридцатых годов.

В жанровой многогранности, легкости письма.

В праздничном тоне Первоймайской симфонии, навеянной, среди многих впечатлений, и серией полотен Кустодиева о празднестве на ленинградской площади Урицкого, восхищавших Шостаковича.

Он смотрит в Ленинградском Большом драматическом театре инсценировку лесковской «Блохи», сделанную Е. Замятиным в оформлении Б. Кустодиева. И Замятин появляется как консультант либретто оперы «Нос», исправляющий стиль начинающих либреттистов Д. Шостаковича, Г. Юнина, А. Прейса.

Спустя три года толчком к следующей опере явился очерк Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» с иллюстрациями Б. М. Кустодиева.

Кустодиев всю творческую жизнь увлекся Лесковым. Еще в 1922 году, когда Шостакович особенно часто появлялся в его доме, художник исполнил по заказу издательства «Аквилон» тридцать одну иллюстрацию, обложку и титульный лист к «Леди Макбет Мценского уезда». В 1923—1925 годах он возвратился к Лескову, иллюстрируя издания жития старца Серафима «Зверь», «Амур в лапоточках», «Штопальщик».

Когда после смерти Кустодиева «Леди Макбет» в его иллюстрациях издали в Ленинграде, с обложкой, суперобложкой и форзацем работы М. А. Кирнарского, Шостакович купил книжку как память о Кустодиеве. «Смежные виды искусства часто могут подсказать тему произведения», — пояснял он много лет спустя процесс рождения музыки и привел в качестве примера именно «Леди Макбет». «Я прочел «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова. Так родился оперный спектакль «Катерина Измайлова» с музыкой, в которой столь ощутима пластика кустодиевских купеческих изображений. Не случайно и режиссерская мизансцена свадьбы Катерины в московской постановке в оформлении В. Дмитриева напоминала «Купеческую свадьбу» Кустодиева: тот же план, расположение, краски костюмов. Кустодиевское единодушно отметили тогда в постановке Вл. И. Немировича-Данченко. Адриан Пиотровский писал о подчеркивании режиссером «бытовых», «кустодиевских» элементов в произведении Шостаковича. Проницательно соотнес Немирович-Данченко два явления: живопись Кустодиева и оперные образы Шостаковича.

Влияние Кустодиева на Шостаковича не было, конечно, магистральным. Всего девять лет длилась их дружба, до смерти Кустодиева в 1927 году. Но свет его личности и живописи, сказавшись в отдельных сочинениях молодого композитора, прочно сохранился в характере: помог стойкости сделать девизом жизни ради осуществления призвания. Способ жизни слился с раскрытием человека в музыке, раздвинувшей познание мира.

Софья ХЕНТОВА,
доцент Ленинградской консерватории.

ОТВЕЧАЕМ
НА ВАШИ
ВОПРОСЫ

Я очень люблю музыку Шостаковича, которая, несомненно, войдет в историю советского искусства как одна из его ярчайших страниц. Знаю, что дарование Шостаковича формировалось под влиянием многих выдающихся деятелей русской культуры, например, Кустодиева. Очень хотелось бы, чтобы газета «Советская культура» на своих страницах рассказала о дружбе этих двух талантов, из которых один уже заканчивал свой путь, а другой лишь входил в искусство, жадно впитывал все новое и свежее, которым была богата художественная действительность тех лет.

Виктор КИСЕЛЕВ,

офицер.

ГОРЬКИЙ.

ся в необычные качества людей, восхищаться ими, будь то феноменальные эрудиция и блеск Соллертинского, обаяние Тухачевского, воображение Мейерхольда, незащищенность ироничного Зошенко.

Фанатик музыки, нервной, изнуренный трудом, материальными невзгодами семьи, рано потерявший отца, вынужденный в юности зарабатывать на пропитание игрой в кинотеатрах, Шостакович, казалось, должен был нуждаться в уединении и спокойствии.

Но нет! Он больше всего страшится одиночества и замкнутости. Не может жить без дружеского окружения как защиты и утешения; не выделяет, а отождествляет себя с людьми: в этом сказывается не только характер, но и традиция семьи, где никогда не жили обособленно: ни дед, революционер — каракозвец Болеслав Петрович, в девятнадцать лет организовавший дерзкий побег Ярослава Домбровского, ни отец, сотрудник Менделеева, все свободное время отдававший работе в обществах помощи народам Севера...

Способность быть другом вызвала в свою очередь токи сердечной симпатии. Поразило велико дружеское окружение Шостаковича — он сам ныне кое-что рассказал о месте в его жизни Соллертинского, Мейерхольда, Тухачевского, Маяковского, Мясковского.

Этот перечень следовало бы начать с имени замечательного русского художника Бориса Михайловича Кустодиева: он был первым значительным деятелем не музыкантом, с которым судьба свела Шостаковича.